

„Записи Пролого“ ставят себе целью познакомиться широкие круги читателей с литературой мемуаров, дневников и писем, преимущественно неизданных, представляющих историко-бытовой интерес.

Среди исторических материалов — мемуары, дневники и письма занимают особое место. Чрезвычайно ценные для установления фактов и для истории быта, они по самому характеру своему, являясь отражением субъективных впечатлений, редко бывают вполне беспристрастны в своих суждениях и отзывах: люди и события изображаются в них сквозь призму собственного мировоззрения автора, принадлежащего к далекой от нас эпохе, отрезанной от современности годами революции. Этого рода литература не есть фотография, а лишь отголосок прошлого, нуждающийся в критической проверке со стороны историка, но сам по себе интересный для характеристики времени и общества.

Поэтому, приступая к печатанию библиотеки мемуаров, дневников и писем, редакция считает нужным предупредить читателя, что издаваемые документы требуют к себе критического подхода; при таком условии эти произведения, дышащие непосредственностью и жизненностью, могут дать яркую картину отошедшей в прошлое культуры, с ее мировоззрением, нравами и бытом.

В бумагах В. Я. Брюсова сохранилось довольно много различных начал автобиографий, относящихся к разным годам. Вообще при разборке бумаг Валерия Яковлевича, изумляет его своеобразная устремленность к составлению с юных лет описания своей жизни. Передо мной одна из многих, более других законченная „Автобиография, материалы для моей биографии 1889 г.“ Валерию Яковлевичу тогда было 16 лет. В этом отрывке (семь, мелко, детским почерком, исписанных страниц писчей бумаги) уже имеется предисловие, разделения на главы, перед каждой главой эпиграф из Надсона, Н. Телешова, Майкова, из своих стихов и др. По содержанию это — рассказы про родных, окружающих, про игры, домашние события, это — детские размышления.

В 1890 г. Валерий Яковлевич заводит уже тетрадку форматом $\frac{1}{8}$ листа бумаги в клетку, в клеенчатой обложке, — озаглавливает ее: „Моя жизнь. Материалы для моей биографии, тетрадь первая.“ Ставит эпиграфом: „Создание ада иль небес, сей ангел, сей надменный бес“, и начинает в ней свой дневник. Начало этой тетради надо считать, повидимому, с 4-ой страницы: „Осень 1890. 29 август-ноябрь“ сбоку приписка: „Без идеала“. Первые страницы озаглавленные: „Лето 1890 г., май“, судя по всему — лишь попытка восстановить перечень событий за четыре уже прошедшие месяца.

Подобных тетрадок — 11, разбиты они на 14 книг (первая считается за четыре книги, 1-4). На всех тетрадках то же заглавие, как на первой, указаны года, каждой тетрадке предпослан свой эпиграф. Иные книги начинаются кратким размышлением о предстоящих днях и заканчиваются большей частью общим обзором событий, происшедших со дня начала записи в данной тетрадке.

В юношеские годы запись ведется почти ежедневно, но с годами она становится реже: так, в 1899 г. события отмечаются не более двух раз в месяц, а в 1904, 1905 и 1906 г. занесено лишь по одной записи в году.

Кроме указанных 11 тетрадок, сохранилось десять отдельных страниц, вырванных, судя по внешности, из клеенчатой тетради (формат $\frac{1}{4}$ листа, бумага в клетку). То же самое заглавие — „Моя жизнь“, но прибавлено: „Вторая серия. Годы 1904, 1905, 1906, 1907.“ В кратком предисловии сказано: „Я прервал свой дневник в конце 1903 г. За 1904, 1905 и 1906 г. сохранилось лишь несколько отрывочных заметок. Жаль: то

были годы очень интересные и очень остро пережитые мною. Теперь уж нет сил восстановить прошлое, воспоминания поблекли, стерлись, пришлось бы писать мемуары, а не дневники. Сделаю только самый общий очерк пережитого мной и прямо перейду к современности, к записям о сегодняшнем и вчерашнем дне“.

Однако, несмотря на это предисловие, Валерий Яковлевич делает только общий очерк к 1904 и 1905 годам, затем, оставив несколько пустых страниц, начинает в 1907 г. — „Возобновленный дневник“, но эти случайные и очень редкие записи, доведенные до 1910 года, вряд ли могут быть названы дневником.

Помню, Валерий Яковлевич любил в позднейшие годы говорить, что свой дневник он стал вести по-латыни. Была ли то шутка или неосуществленная мечта, не знаю, только я такого дневника среди бумаг не нашла и не видала его никогда при жизни Валерия Яковлевича.

Брюсов, конечно, пользовался своими „Материалами для биографии“ при составлении автобиографии, напечатанной в „Русской литературе XX века“ под ред. С. А. Венгерова и использовал их также, включая записи дневника местами целиком в главы своей неоконченной повести „Моя юность“, напечатанной в самостоятельном выпуске серии „Записи прошлого“ (В. Брюсов. „Из моей жизни“ М. 1927 г.).

Соображаясь с общим характером издания „Записей Прошлого“ и с обширностью дневника, особенно юношеских годов, часть которого вошла уже в только что упомянутую повесть „Моя юность“, и кроме того, принимая во внимание неизбежную повторность, недостаточную отдаленность от современников и некоторую интимность иных мест ежедневных записей, мы печатаем дневник с некоторыми пропусками. Допустив эти сокращения, мы старались сохранить все, что может представлять интерес для биографии, истории и психологии творчества Валерия Брюсова.

В заключение мне хочется сказать несколько слов о языке дневника. Это почти всегда беглая запись, без всякой литературной отделки, это изумительно удачно зафиксированная живая речь Брюсова. Да, так Валерий Яковлевич говорил! Перечитывая некоторые записи дневника, я переживаю прошлое, я ясно вспоминаю, что именно так Валерий Яковлевич когда-то передавал мне многие из этих событий, которых я не была свидетельницей, при этом я слышу его интонации, вижу жесты, помню его улыбку, серьезность тона, вместе с легкой шуткой, краткость, своеобразную расстановку слов и поразительную ясность рассказа.

Иоанна Брюсова.

Москва. Декабрь. 1926 г.

ДНЕВНИКИ

1891 г.

Апр., 11.

В гимназию не пошел. Переписывал дифференциальное исчисление. Вычислял квадратуру круга.

Апр., 12.

Толковал Щербатову о дифференциальном исчислении. Тот изумлялся. Кедрину показал теорему. Тот восхищался. Духовской написал на меня эпиграмму:

О диаметре и шаре,
В нашем классе толковали
— Никанорович Евгений
Да Валерий Брюсов-гений.

В философию пустились,
И на шаре оба сбились,
Доказательств не нашли,
Замолчали и ушли.

Есть еще эпиграмма на меня:

Математик и поэт,
Но философ страстный.
Что ж, феномен он? О нет!
Лишь хвостун ужасный.

Окт., 12.

Сначала заходил Станюкович. Вечером у меня Щербатов и Иноевс. Они застали меня беседующим с Э-дом. Потом Никольский, И. А. Нюнин, Пильский. Разговоры были без конца. Споры. Удавшийся литературный вечер. Никольский ушел рано, просил у меня отрывки из „Поэмы любви“.

Окт., 13.

Задумал новую переделку поэмы „Земля“.

Окт., 19.

IV литературный вечер. В гимназии убеждаю всех быть. Первым прибыл Пильский. Читал ему свои стихотворения, когда пришел Ник. Ал. Затем постепенно другие. Сначала толковали о русском эпосе и очень оживленно. Самый вечер

прошел более вяло. Моя лекция о любви провалилась. Щербатов смутился и бежал. Другие сидели до часу. Создавали журнал.

О к т., 20.

День дома. Занимался и начал „Цезаря“. Вечером у Ланга. Толковали. Он читал мне свои произведения.

О к т., 22.

Целый день дома (праздник), только в библиотеке. Писал латинское стихотворение и „Цезаря“. Набросал стихи „На дне“.

О к т., 26.

Вечер не состоялся. Мы были вдвоем с Пильским. Много говорили и под конец рассмеялись, как цicerоновы авгуры. Составляли план передовой статьи.

О к т., 28.

День чувствовал себя скверно. Заходил к Э-ду. Вечером у меня Ланг. Революционные разговоры. Беседа о журнале.

О к т., 29.

Состояние ужаснейшее. Все, что я вчера писал—глупость. Злоба, злоба, страшная злоба на себя.

О к т., 30.

Едва, едва начинаю приходить в себя. Хотел было писать „Кантемира“, но не мог еще даже и мыслить.

О к т., 31.

Постепенно овладеваю своими чувствами. Начал „Кантемира“.

Н о я б р ь, 1.

Владею собой. Пишу „Кантемира“. Написал стихи „Ты немного со мной поиграла“.

Н о я б р ь, 2.

Должен был быть литературный вечер. Но Пильский не пришел. Сначала заезжал Щербатов (прямо из гимназии). Я продиктовал ему сочинение. Потом Ланг. Потом Щербатов ушел. Я с Лангом. Потом Э-д. Потом Ланг ушел.

Н о я б р ь, 3.

Пишу, пишу и пишу „Кантемира“.

Н о я б р ь, 4.

Окончил „Кантемира“. Набросал стихотворение „Fin de siècle“.

Н о я б р ь, 5.

Начал переписывать „Кантемира“, — нечто ужасное.

Н о я б р ь, 8.

Подад „Кантемира“. Лев ужаснулся.

Н о я б р ь, 13.

Начал драму „Любовь“.

Н о я б р ь, 16.

Утром написал два стихотворения „Любовь“. Потом в лавке купил: калоши, перчатки, Лермонтова. Вечером—литературный вечер опять не состоялся.

1892 г.

Ф е в р а л ь, 26.

Вечер у Э-да. Винт. Днем писал „Державина“.

Ф е в р., 27.

В гимназии спор с Столповским о душе.

Ф е в р., 29.

Думал провести вечер мирно. Пошел было на заседаине археологического общества, но не нашел его. В пассаже встретил Кр-ого. Результат—винт у Э-да. Потом у Филиппова.

М а р т, 18.

Вечером читал с Надей „Моцарта и Сальери“ (на уроке).

М а р т, 20.

Переделал „Утомленье окутало мысль“... и „Я жив еще? Я чувствую? Я вижу!“.. Обдумывал трагедию „Сомнение“.

М а р т, 22.

Пошел под Сухаревку и, прельстившись, купил Оссиана и Нибелунгов. Вечер на „Гамлете“.

М а р т, 29.

Утром набросал „Мой друг, легко всех презирать“...

А п р., 6.

Утром у меня Станюкович. С Зунделовичем; на выставке картин Клевера. Смотрели „Лесного царя“. Сзади стоял сам Юрий Клевер и хвалил неким „девицам“ свою картину. Я в негодовании стал ее ругать и ругал, пока те не бежали...

М а й, 5, вторник.

Изучал итальянский язык и историю архитектуры...

М а й, 16.

Ничего так не воскрешает меня, как дневник М. Башкирцевой. Она—это я сам, со всеми своими мыслями, убеждениями и мечтами. Башкирцева хоть могла сказать: „Каждый час, употребленный не на это (приближение к одной из своих

целей, и не на кокетство, — (оно ведет к любви, ergo к замужеству), падает мне на голову, как тяжесть“. Увы! мне нет этого утешения, и часы, потраченные на рисовку перед барышнями, — потеряны для меня. А вот я провел в Голицине 3 дня и не делал ничего.

А годы проходят, все лучшие годы...

Работать, писать, думать, изучать. Два дня буду работать с утра до вечера и вставать лишь затем, чтобы обдумать какую-нибудь фразу. А потом... поеду в Голицино.

Июль, 28.

Я похож на Антония, очарованного Клеопатрой. Вырвавшись из власти любви, я снова царствую. Сегодня я писал „Юлия Цезаря“, изучал итальянский язык, [разрабатывал „Помпея Великого“, набрасывал строки из „Мимоходом“, читал Грота и Паскаля, разбирал Козлова и отдыхал на любимом Спинозе.

Надо работать! Надо что-нибудь сделать! А то столько говоришь о себе, а нет ничего: становится чуть ли не смешно! За работу, жизнь не ждет! „Помпей“, теперь в тебе вся надежда!

...Вечером читал по-французски, исправил роман Вари, в нем нахожу выведенного себя, при том с идеальной стороны.

Вся моя оригинальность перед ней в том, что я не объяснялся в любви. Прочь чувство! Царствуй мысль! Здесь будет моя точка опоры, времени еще много впереди.

Чтобы закончить перечень занятий сегодняшнего дня, скажу, что занимался с Надей, изучал с ней времена диадочов.

Июль, 29.

Когда я пишу „Помпея“, мне грезится сцена, с которой я раскланиваюсь, крики „автора, автора!“ аплодисменты, венки, цветы, зрительный зал, залитый огнями, полный тысячею зрителей, и среди них в ложе... головка Вари, с полными слез глазами.

Август, 12.

Я уехал из Ховрина 1-го и вернулся 10-го августа. За эти 10 дней успел три раза побывать в Голицине. В Москве видался с Э-дом, играл в винт, в кегли (собственно смотрел и держал пари). С внешней стороны самое важное событие — спектакль, который, наконец, состоялся 9-го августа, с него и начну.

Генеральная репетиция 8-го сошла гладко. Только я ради высшего эффекта нарочно забыл роспись и импровизировал это место от себя. Неприхотливая публика весело смеялась. Играли уже с гримом и в костюмах (чорт возьми! пришлось